

ЭДУАРД
УСПЕНСКИЙ

Большие сказки

РИСУНКИ
В.ЧИЖИКОВА

Большая книга детям (АСТ)

Эдуард Успенский

Большие сказки (сборник)

«АСТ»

1972, 1984

УДК 821.161.1-34-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Успенский Э. Н.

Большие сказки (сборник) / Э. Н. Успенский — «АСТ», 1972,
1984 — (Большая книга детям (АСТ))

ISBN 978-5-17-102515-1

В книгу «Большие сказки» вошли две сказочные повести Э.Успенского: «Меховой интернат» и «Вниз по волшебной реке». Рисунки к ним сделал народный художник России Виктор Чижиков. Одна из этих историй написана в стиле русских народных сказок, в ней вы встретите и Бабу Ягу, и Кощея Бессмертного, и многих других героев русского фольклора. Другая – повесть о детях из обычной московской школы, которые неожиданно сталкиваются с детьми из иной цивилизации. Повести объединяет твёрдая вера писателя в то, что современные дети в любых, даже самых сказочных, обстоятельствах сумеют справиться с трудностями и всегда будут сражаться на стороне добра. Для младшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-34-053.2

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102515-1

© Успенский Э. Н., 1972, 1984

© АСТ, 1972, 1984

Содержание

Меховой интернат	7
Глава первая	8
Междуглавие первое	12
Глава вторая	14
Междуглавие второе	26
Глава третья	29
Междуглавие третье	43
Глава четвёртая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Эдуард Успенский Большие сказки (сборник)

© Успенский Э. Н., 2017

© Ил., Чижиков В. А., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Меховой интернат

Глава первая Меховой интернат открывается

Наступила осень, и огромный весёлый дачный посёлок на станции Интурист опустел в один день. Только семья Люси Брюкиной никак не могла уехать. Их грузовик задерживался. Папа и мама с удовольствием читали книжки, лёжа на вещах, а Люся пошла побродить по пустым дачным переулкам.

Около дачи номер восемь валялся совок.

На даче номер пять висели трусики.

На крайней пятнадцатой даче развевались огромные сиреневые трусищи.

И только одна вечно заколоченная дача у самого леса почему-то расколочивалась. Какой-то меховой пузатый гражданин, дымя трубкой, отдирает ломиком щиты от окон.

Люся так и наполнилась любопытством, как парус ветром. Её приподняло и понесло к этому дому.

Батюшки! Гражданин был барсук. Ростом повыше Люси. Важный и с повадками дворника из хорошей семьи.

– Здравствуйте! – сказала девочка.

– Здравствуйте! – ответил барсуковый гражданин. – Вы думаете – я дворник? Я – директор. А дворник я на полставки. У нас с персоналом трудности.

Он отвлёкся на Люсю. Тут большой щит, оставленный без присмотра, под своей тяжестью отлип от стены и полетел вниз.

Сейчас прихлопнет директора!

И точно – раздался треск, и дворниковый директор, накрытый щитом, рухнул наземь.

Люся почувствовала себя виноватой и бросилась поднимать его.

– Ничего, ничего! – говорил барсук. – Лишь бы щит был цел!

Со щитом ничего не случилось.

– А вы по объявлению пришли? Или просто так? – спросил директор.

– По какому объявлению?

– Вон по тому. Которое висит у входа.

Люся вернулась ко входу на участок и прочла объявление на доске. Оно было такое:

**МЕХОВОМУ ИНТЕРНАТУ НУЖНА
УЧИТЕЛЬНИЦА ХОРОШЕГО ПОВЕ-
ДЕНИЯ И ПИСЬМА. ПРИГЛАШАЮТ
ДЕВОЧКИ ИЗ ТРЕТЬЕГО-ЧЕТВЕР-
ТОГО КЛАССОВ. ЗАНИМАНИЯ
БУДУТ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ.
ОПЛАТА ХЕНДРИКАМИ,
СКОЛЬКО ДОГОВОРИМСЯ.**

– Это очень интересно! – сказала Люся строгим, взрослым тоном. – Но я хотела бы посмотреть учеников.

– Сейчас я их вам покажу, – сказал барсуковый дворник. – Пройдёмте в директорскую. Они вошли в небольшой щитовой домик, стоявший на этом же участке.

Там на стене висела фотография класса. Фотография как фотография. Впереди ученики поменьше, сзади посolidнее и помордастее. Но все они были звери. Меховые, ушастые и глазастые.

– А что? – сказал барсук. – Вполне достойные интернатники.

– Очень достойные интернатники, – согласилась Люся. – И они будут меня слушаться?

– А как же? А то им не дадут большой разлинованной Хвалюндии в конце года.

– Тогда другое дело, – важно сказала девочка, хотя она и в глаза не видела большой разлинованной Хвалюндии. – Тогда я согласна.

– Остается только договориться об оплате. Я думаю, четыре хендрика – это нормальная плата.

– Нормальная, – сказала девочка. – Для начала. А потом посмотрим.

Люсе понравилось, как она себя вела. Очень правильно. А что такое хендрики? Это деньги или вещи? Можно на них купить зонтик или куклу? Можно их дарить на день рождения? Тогда четырьмя подарками для своих друзей она уже обеспечена.

Барсуковый директор и девочка вместе были счастливы.

– Может, чаю хотите помидорового?

– Нет, спасибо.

– А то, если желаете, я могу угостить вас свежевывытой картошкой.

– Мне что-то сейчас не хочется свежевывытой картошки, – светски отказалась девочка.

Барсук наклонился к ней и заговорщицким голосом сказал:

– У меня ещё есть засахаренная красная свёкла для самых важных гостей. Давайте откроем кругляшок.

– Я обожаю засахаренную свёклу, – сказала Люся. – Но не следует открывать. Отложим до другого раза.

Кажется, директор расстроился. Видно, важные гости приходят не часто, и неизвестно, когда ещё он сможет раскупорить эту засахаренную гадость в кругляшке.

– Значит, я жду вас в следующее воскресенье в десять. Интернатники как раз придут и будут готовы. Простите, а как вас зовут?

– Люся Брюкина.

– Прекрасная фамилия. Очень аристократическая. – Он с удовольствием повторил: – Люся Брюквина! А меня зовут Мехмех.

– Мехмех? А отчество?

– Мехмех это и есть с отчеством. Потому что полностью я – Меховой Механик.

Тут заревел гудок грузовика с участка Люсиных родителей. И Люся помчалась к своим, грузить вещи. Шкафы, диваны, лампочки и газовые плиты.

На первый урок она решила надеть строгое коричневое платье, которое папа привёз ей из заграничной командировки. Жёлтые осенние сапоги и меховую шапку. Только она не знала – стоит ли ей накрасить губы или это непедагогично? А папе с мамой она ничего рассказывать не стала. Зачем осложнять им жизнь?

Междуглавие первое Между двумя воскресеньями

События на неделе были такие: Карина Мариношвили, главная Люсина подруга, влюбилась в старосту Игоря Трофимова. А Игорь Трофимов сказал, что она бестолковая и шумная. Что Катя Лушина лучше: она любит зверей. Папа окончательно заявил, что он не домработница и что не надо из журналиста делать крепостного крестьянина, что пока он стоит в очереди в магазине, у него весь талант пропадает. Мама ответила, что его таланту грош цена, раз он пропадает. Что талантливых много, а трудолюбивых нет. На завуча Эмилию Игнатъевну решили написать всем классом заявление... вернее, половиной класса... просто активной группой... Решили они с Кариной на завуча Эмилию Игнатъевну в милицию написать. Оставляет всех на продлёнку и ругается. Карину назвала дурочкой, потому что Карина подметала неправильно... Она пыталась мусор по лестнице со второго этажа на третий поднять. Пусть ей в милиции объяснят, что завучи ругаться не имеют права... Кате Фридман купили бархатные штаны, а она ещё в школу не ходит... Вчера вызвали Спальникова отвечать. Он вместо:

Мороз и солнце; День чудесный!

прочитал:

Матрос и солнце; Пень чудесный!

Все смеялись, а ему двойку вlepили за шутовство... Стали проходить дроби... Очень трудно умножать столбиком большие числа. Например, надо умножить 257,374 на 983,542. Хорошо, что папа принёс японскую счётную машинку с работы. На ней можно незаметно считать. Катя Лушина была в кино, разговаривала с мальчиком... Он спрашивал, носят ли в их классе джинсы и жуют ли жвачку? Катя сказала, что джинсы носят секретно – под школьной формой, а жвачку жуют на переменах в специально отведённых для этого местах...

А в общем, уроки, уроки, уроки. Уроки в школе, уроки дома... В свободное время для развлечения и отдыха посылают в очередь в магазин... Хорошо ещё, что в нашей стране по телевизору кино показывают. Особенно мультипликацию.

Глава вторая

Меховые интернатники

В электричке Люся волновалась и листала учебник. Ещё бы – учительница едет. И вдруг она поняла, что беличья модная меховая шапка не очень-то понравится интернатникам. Она запахнула шапку в пластмассовый пакет для тапочек и вышла из электрички на пустую платформу.

Платформа была странная. И родная, и незнакомая. Она просто оглушала девочку тишиной... И одиночеством.

На дороге к дачному посёлку всё было по-другому. Не как летом. Никто никуда не спешил с авоськами и портфелями. Никого не встречали шумные разнокалиберные дети. Не было скакальных девочек. Не мотались во все стороны мальчики на велосипедах и на мотоциклах. Тишь да осень.

Одна чёрная бородатая коза пыталась съесть или прочесть объявление на заборе. Люся подошла и прочитала: «Продаётся трёхместная... новая... породистая...»

А дальше коза откусила. Самое интересное. Что продаётся? Дача? Корова? Но разве бывают породистые дачи? Или трёхместные коровы? Тем более новые?

...Ворота дачного посёлка были распахнуты. Сам посёлок пуст. Люся с аристократической фамилией заволновалась. На месте ли достойные интернатники? Ждёт ли её меховой механик Мехмех? Найдётся ли для неё порция свежeweымытой картошки? Или кругляшок засахаренной свёклы? Или всё это привиделось ей в прошлое предсентябрьское воскресенье?

Слава богу, всё было в порядке. Барсуковый директор встречал её у калитки. На этот раз он имел явно директорский вид. Он был в пиджаке и в шляпе с украшениями. Скорее всего, эту шляпу с цветочками забыла на скамейке какая-нибудь легкомысленная пенсионерка. А куриным пером её украсил сам Мехмех. Но так или иначе, она явно прибавила ему элегантности. Не на всякой помойке найдёшь такую штуку.

– Здравствуйте, уважаемая девочка! Ваши ученики ждут вас.

– Здравствуйте, Меховой Механик.

– Не надо церемоний. Зовите меня просто дир! Ваш урок начинается через десять минут. Идёмте, я вам дам чашку картофельного кофе и ознакомлю с Главным Бумажным Получальником.

Люся вошла за ним в отдельный домик, в директорскую, и строго стала пить по глоточку что-то помоечное из чашки.

– Вот. Это Бумажный Получальник. Вы умеете им пользоваться?

– Я видела такие, – уклончиво ответила Люся.

Потому что этот бумажный наполовину чальник явно напоминал классный журнал.

– Здесь стоят получалки для учеников. Ваша страница – письмо и поведение. Вверху три пятёрки, три четвёрки, три тройки. И две двойки. Когда интернатник вам отвечает, вы вписываете его фамилию в графу. К пятёрке, четвёрке или тройке. К двойкам лучше не вписывать. Но тоже можно.

– А не проще ли наоборот? Написать фамилии интернатников, а ответалки ставить напротив фамилий?

– Не ответалки, а получалки. У нас раньше так и было. Но это портит успеваемость и отвечаемость, – объяснил директор. – Всегда можно поставить лишнюю двойку или пару троек. Они сразу снизят уровень показателей. А так норма отметок выполнена, раз и навсегда. Остаётся только вписывать фамилии ответателей.

– А много у вас преподавателей, уважаемый Механик?

– Зовите меня просто дир. Что значит директор.

– А много у вас преподавателей, уважаемый дир?

– Нет. Двое. Я и вы. Я не стремлюсь к увеличению преподавательского состава. Больше зарплаты достанется оставшимся.

Меховой Механик посмотрел на часы:

– Всё. Пора включать начинальник.

Он потянул шарик, висящий над столом на верёвочке, и над дачным посёлком поплыл густой пароходно-электрический гудок.

– Пойдёмте, сударыня Люся.

– Пойдёмте.

Главный Бумажный Получальник она несла в руках. Из-за двери класса слышался просто жуткий шум и гам. Как только двери открылись, Люся Брюкина увидела всех своих подопечных. Они были такими, какими она видела их на фотографии. Большие глазастые меховые звери на задних лапах в небольшом количестве одежды.

Ученики сразу затихли. Взялись за крышки парт и все, как один, сделали стойку на передних лапах. Мехмех взглянул на большие ручные часы.

– Почему они так странно вас приветствуют? – спросила Люся.

– Моё изобретение. Во-первых, собирает и разгоняет сон. Во-вторых, выдаёт тех, кто жуёт мухоморы или бычки. Они сразу блюмяются. В-третьих, будит уважение.

Минутная стрелка сделала круг на часах, и Мехмех сказал:

– Блюм!

Звери радостно всем классом бухнулись на лапы и сели на скамейки за парты. Все, кроме одного. Большущий тушканчик по-прежнему стоял на передних лапах на парте.

– Так и есть! – сказал директор. – Наокурвился. Дачники оставили много окурков на участках, вот интернатники и жуют их. А потом дуреют. Живут как в тумане.

Он подошёл к замершему ученику:

– Кара-Кусек, пройдите ко мне в кабинет.

Кара-Кусек осовело блюмкнулся на пол.

Меховой директор взял за лапу мехового жевальщика окурков и повёл его.

– Вы занимайтесь с ними. Знакомьтесь. Их фамилии написаны вот здесь. – Он показал обложку Получальника.

Дверь захлопнулась, и Люся осталась с учениками одна.

Они всю тарасили на неё глаза. А она на них.

На обложке Большого Бумажного Получальника был нарисован план класса. Один стол учителя и сдвоенные столы учеников.

План был такой:

БИБИ-МОКИ, нац. муравьед.	БУРУНДУКОВЫЙ БОРЯ, нац. бурундук.	КАРА-КУСЕК, нац. тушканчик.	СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА, нац. горностай.
СЕВА БОБРОВ, нац. бобр.	ФЬЮ АЛЫЙ ЯЗЫЧОК, нац. ласка.	ЦОКИ-ЦОКИ, нац. белка.	УСТИН, ЛЕТЯЩИЙ В ОБЛАКАХ, нац. волк.
СТОЛ УЧИТЕЛЯ			

– Милые интернатники! – сказала Люся. – Давайте знакомиться. Меня зовут Люся. Я буду у вас учительница. Я учусь в четвёртом классе. Я буду преподавать вам поведение и письмо. Сейчас вы покажете мне, что вы умеете. Это сделает Сева Бобров.

Со второй парты поднялся улыбчивый Сева Бобров и заявил басистым голосом:

– Я умею перепиливать чурки.

Он взял дровёшко на полу около печки и в момент перегрыз его большущими зубами.

– Вот, – показал он Люсе два огрызка.

Люся никак не могла понять, к чему относится столь блистательное владение зубами – к письму или к поведению.

– А теперь вы возьмите мел и напишите своё имя и фамилию.

Бобрёнок подошёл к доске и довольно уверенно написал:

БАБ РОВ СЕ ВА.

– Хорошо, – сказала Люся. – А скажите, пожалуйста, что вы возьмёте с собой, если вы идёте в гости?

– В гости? – обрадовался Сева.

– Да, в гости. Причём к новым знакомым.

Юный интернатник подумал и уверенно ответил:

– Репу.

– Репу?! – удивилась Люся. – Нет. Это что-то другое. Они растут на клумбах... Бывают разного цвета...

Сева сразу догадался:

– Я всё понял. Если я пойду в гости, я возьму кормовую брюкву.

– Отлично, – сдалась Люся, – продолжаем знакомиться.

Ликующий Се-Ва Баб-Ров утянулся за свою парту. Он так и сиял радостью за свои ответы.

– Сейчас напишет своё имя интернатница... Фю... Фью... Алый Язычок, – продолжила Люся. – Странное какое-то имя.

Сева Бобров снова встал из-за парты:

– Можно, я скажу?

– Да, Сева.

– Её зовут Фью-алка или Свись-алка.

– Почему Свись-алка? Она свисает откуда-нибудь?

Интернатники засмеялись. Развеселились. Сначала тихо, потом сильнее.

– Она ниоткуда не свисает. Просто у неё такое имя, что надо сначала свистнуть, а потом показать что-нибудь красное. Например, язык. Это по-нашему, по-меховому.

– Спасибо, Сева. Это очень красивое имя, Фьюалка. У нас есть такие цветы – фиалки. Я их очень люблю. Прошу вас сюда.

Она жестом пригласила ученицу отвечать. Сверкнула лаковая молния, и ласка оказалась перед столом. Будто кто-то выключил её изображение за партой и включил его уже здесь, у доски. Она стояла, нервно перебрасывая лапками мел.

– Напишите своё имя.

Лаковая молния, секунду поколебавшись, написала: «Фиалка».

Люся спросила:

– А что вы возьмёте, если пойдёте в дом к новым знакомым?

– Я возьму книги.

Дверь распахнулась, и вошёл дир. Он держал большой чёрный поднос с капустными кочерыжками.

– Перерыв! Перерыв! – сказал он. На нём был белый передник и белый колпак. Видно, он всерьёз экономил хендрики и был ещё и буфетчиком при интернате. – Не перегружайте детёнышей, пожалуйста. Устройте им игры на свежем кислороде.

Интернатники оживились и задвигались. Лаковая молния выключилась у доски и включилась за партой. (Так быстро она перемещалась.)

– Хорошо. Только я закончу урок! – строго сказала Люся. – Дорогие интернатники! Если вы идёте в гости в какой-нибудь дом и идёте в первый раз, вы должны взять с собой цветы.

Пауза.

– Не книги. Не репу с брюквой. И даже не дрова. А, я подчёркиваю, ЦВЕТЫ.

Подчёркивать Люся научилась у папы. Папа всегда говорил очень умные вещи и самое умное постоянно подчёркивал.

– А теперь перерыв!

Счастливые интернатники с кочержками в зубах высыпали на траву. Причём практически бесшумно. Не топали ботинки, не стучали когти.

– Во что будем играть? – спросила учительница Люся.

– В толкалки! В толкалки! – кричали зверёныши.

– В сшибалки!

– В валилки!

– Что это за игры? – спросила Люся у Всеволода Боброва. – Что надо делать? И кто выигрывает?

– Надо толкаться, пока все не повалятся, – объяснил Сева. – Кто упал последний, тот победил.

– Хорошо, – начальническим голосом сказала Люся. – Играем в валилки. Приготовились. Старшие интернатники приняли борцовскую стойку. Мелкота побежала хвататься за деревья.

– Готовы? – спросила Люся.

– Готовы...

– Раз. Два. Три... Начали!

И закипела меховая поляна. Ученики хватали друг друга за лапы, за шею, за что попало и валили на землю.

Малышня висла на больших гроздьями. Большие шатались, ходили обвешанные мелкотой и шлёпались. Кто свалился, на лапы не вставал. Подползал к другим упирающимся и вис на них.

Скоро все попадали. Остался на ногах один большой муравьед. Он ходил, весь обвешанный мелкотой, и пошатывался. Но держался. Вдруг белоснежный горноста́й прямо с земли сделал прыжок. И свалился ему на голову. Прыжок был такой, что часть горноста́я была ещё видна на поляне, на траве, а часть уже подлетала к муравье́ду. Муравьед рухнул. И все радостно завопили:

– Биби-Моки! Биби-Моки!

– Что значит «биби-моки»? – спросила учительница Люся у щекастого Севы.

– Это имя такое. Значит Большая Биби.

Над посёлком разнёсся рёв начальни́ка. Интернатники кинулись в класс. Люся вошла последней. Как только она переступила порог, все сделали стойку на лапах. Люся сказала:

– Блюм!

И они блюмкнулись.

– Кара-Кусек, к доске.

Тушканчик в джинсовой жилетке вышел из-за парты и сделал прыжок через всю комнату. По дороге он перевернулся и шлёпнулся у доски уже лицом к классу. Люся не знала – так это положено ему или это хулиганство. От того, кто жуёт дачные окурки, всего можно ожидать.

Но класс не насторожился. Значит, всё в норме. Вряд ли Кара-Кусек после беседы с директором станет ещё хулиганить и напрашиваться. Он стоял у доски и грыз мел.

– Напишите, пожалуйста, своё имя.

Тушканчик написал правильно:

КАРА-КУСЕК.

– Теперь просклоняйте его по падежам.

Кара-Кусек принялся склонять. Он говорил и писал:

– Именительный – кто? что? Кара-Кусек. Родительный – кого? чего? кого нет? Кара-Кусека. Дательный – кому? чему? Кара-Кусеку...

Он дописал до предложного падежа и приготовился скакнуть на свое место.

– Нет, нет, – остановила его Люся. – Вы куда? Куда? Склоняем дальше.

– Склоняем дальше, – согласился интернатник. – Слово «куда». Именительный: куда.

Родительный – кого? чего? кого нет? Куды. Дательный – кому дадим конфетку? Куде...

Он просклонял эту «куда» до конца.

Люся была настолько потрясена таким склонением по падежам, что не могла сделать ни одного замечания.

Тогда она задала свой гостевой вопрос:

– А что вы возьмёте, если пойдёте в гости к новым знакомым?

– Цветы! Цветы! – засуетилась белочка с первой парты. Это она так подсказывала.

Люся строго посмотрела на неё. Но Кара-Кусек не нуждался в подсказке.

– Капусту. Три кочана, – сказал он уверенно.

– А если я не люблю капусты?

– Мы сами съедим. Чтобы она не пропадала.

– Кто мы?

– Иглосски и ещё Биби-Моки.

Люся поняла, что она со своими цветами бессильна против вкусной капусты Кара-Кусека.

И она уступила.

– Вы свободны, Кара-Кусек.

Жилеточный тушканчик сделал прыжок через весь класс. В воздухе он перевернулся и приземлился прямо на парту.

Люсе очень нравился искрящийся белизной горностай, сосед Кара-Кусека. Она заглянула в Получальник:

– К доске пойдёт Снежная Королева.

Горностай белым призраком скользнул вперёд. Встал, нервно подбрасывая кусочек мела.

– Напишите, пожалуйста, такое предложение: «Снежная Королева любит танцевать».

Горностай написал:

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА НЕ ЛЮБИТ ТАНЦЕВАТЬ.

– Хорошо! – сказала Люся. Потому что ошибок не было. Хотя она совсем не знала, как к этому относиться. – Напишите ещё: «Вчера Снежная Королева играла с маленькой сестрёнкой».

Горностай молча повернулся и опять написал не то:

**ВЧЕРА СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА
ВЫСЛЕЖИВАЛ ТЕМНОТЮРА.**

Весь класс вздрогнул.

– Я же просила вас написать, что вы играли с маленькой сестрёнкой.

– Я не играл с маленькой сестрёнкой, – возразил горностай. – У меня нет сестрёнки.

Люся хотела разузнать – кто такой Темнотюр и почему класс его боится? Но не стала, а повела урок дальше.

– Напишите вот что: «Сегодня ярко светит солнце и желтеют одуванчики».

Тут Сева Бобров поднялся. Он был взволнован:

– Как же он может написать, что желтеют одуванчики, когда они завяли? Они ж не желтеют. И солнце совсем не «очень яркое». А так себе солнце.

Хулиганистый Кара-Кусек закричал с места:

– Осень же! Осень на дворе! Вы что?!

Разгорался скандал. Хорошо, что вошёл дир с очередным подносом. С очищенной картошкой в этот раз.

– Всё! Всё! На сегодня хватит! Перерыв!

Меховой поток бесшумно смыл его и скрылся на лужайке. Поднос опустел.

– Пройдёте ко мне в кабинет, девочка Люся. Надо оценить первый день работы.

Они сидели в директорском доме. Солидно пили из чашек что-то непонятное: то ли картофельный чай, то ли помидоровый кофе.

– Как прошли ваши уроки?

– Хорошо, – ответила Люся. – Но под конец они взбунтовались.

От удивления дир даже встал из-за стола:

– Как так?

– Надо было написать предложение: «Сегодня ярко светит солнце и желтеют одуванчики». А они отказались.

Дир посмотрел в окно:

– А разве они желтеют? Да и солнце не очень яркое...

Потом он спохватился:

– Я вам объясню, в чем дело. У наших интернатников плохо обстоят дела с обманизмом.

– С чем? – спросила Люся. Теперь она оторопела.

– С обманством. Они обманывать не умеют. Всегда говорят правду. Мы даже в интернатскую программу такой предмет ввести хотели обманство... сочинство. Но преподавателя найти не можем. Кстати, вы не могли бы взяться?

– Нет, – ответила Люся. – Это не для меня.

– Может, вы кого-нибудь порекомендуете?

– Я подумаю. Это очень сложное дело – обманство. Нас всегда учили говорить правду.

– Но не врагам, – возразил Мехмех. – А наши малыши даже охотнику Темнотюру правду скажут. Он их спросит: «Где ваши старшие?» Они ответят: «Их нет. Матушка Соня в ночевальне спит. А Меховой Механик в тоннельный склад ушёл». После этого сажай их в мешок. И носи на живодёрню. Люся, вы же не станете врагам правду говорить?

И Люся представила себе, как гуляет она, допустим, где-то в районе Кутузовского проспекта, около секретного завода. И подходит к ней чужеземный шпион, замаскированный под нашего крестьянина: в лаптях, с кинокамерой на боку и с сигарой во рту. И спрашивает:

«Ускажите умне, уза уэтим узабором учто уделают? Увоенные бомбардировщики БУХ-38?»

И как она ему сразу ответит:

«Уничего уподобного. Уза уэтим узабором корытная фабрика находится. Там корыта изготовляют для сельской местности».

«А упочему там пушки стреляют и пулемёты строчат?»

«А потому, что корыта на прочность испытывают».

Это же будет ложь! Потому что весь микрорайон давным-давно в курсе, что за этим забором выпускают не корыта, а трёхдверный перехватчик с десятью моторами. Вертикального взлёта с любой железнодорожной платформы.

– Мне не хочется раздувать штаты, – продолжал Мехмех. – Мы с вами хорошо сработались. Но если вы не можете сами, подумайте о ком-нибудь другом.

Люся сразу подумала про Киру Тарасову.

Междуглавие второе

Разные размышления и события в школе

Всем была хороша Кира Тарасова. И юбочкой, и глазами, и очками серебряными. Но врушка она была коллекционная.

– ...Вчера у моей мамы был день рождения. Её лично Дед Мороз поздравил и группа товарищей. Ей большую медаль вручили из золота. Только она её в метро на эскалаторе забыла. А пластмассовый пакет от медали остался. На нём Мишка олимпийский нарисован.

– ...У нас два дня космонавты жили. Титов и Кубасов. Кубасов – он моему папе брат. Они ванну принимали в скафандрах.

– Как в скафандрах? В скафандрах в воду лазили? Так они же сухие оставались тогда. Ведь скафандры воду не пропускают.

– Нет, вы не поняли. Они не в ванну в скафандрах лазили. Они в скафандрах ванну принимали. То есть тёплую воду в скафандр наливали и ходили. Получается стоячая ванна. И сразу физкультура. Потому что в такой ванне по квартире походишь – сразу нагрузка. И проверка для костюма космического. Не протекает ли где.

– ...У моей бабушки в деревне ручной медведь живёт. Она его в телегу запрягает. Он её возит. И квас в сельпо доставляет. А сейчас зима. Он под бабушкиной кроватью спит. Весной его разбудят. Со всего района будильники соберут. Поедете к нам в деревню, сами увидите.

– А где деревня? Далеко?

– Под Кисловодском.

– Но там же медведи не водятся.

– Это раньше не водились. Сейчас водятся. Там целая медвежья ферма есть. Там медведей для цирка разводят. Как кроликов.

С Кирой Тарасовой Люся и решила поговорить насчёт обманства. Но тут вышла осечка. Кира учительницей быть соглашалась, но врушкой себя не признавала.

– Я? Никогда не вру. И не сочиняю. Я могу абсолютный правдизм преподавать, то есть неврунизм.

– Им не нужен неврунизм, – рассказывала Люся. Она сегодня специально села за Кирина стол. Кира настолько завралась, что сидела одна. Её вранья никто не выдерживал. – Этим интернатникам нужен обманство. А то они на живодёрню попадут. Из-за своей честности.

– Как так на живодёрню?

– А так, придёт охотник и спросит: «Где ваши старшие?» Они честно ответят: «Никого нет дома. Мы одни сидим». Бери этих малышей и сажай в мешок. А надо, чтобы они умели хоть немного соврать. Придёт охотник с мешком и спросит: «Где ваши старшие?» – «Да нигде. Дедушка барсук на веранде сидит, пулемёт перебирает. Бабушка Соня на кухне с милицией чай пьёт. И две девочки-учительницы в саду волшебную дубинку испытывают».

– Ты и преподавай свой обманнизм, – сказала Кира. – У тебя хорошо получается.

К девочкам подошла учительница. Она посмотрела Люсину тетрадь, потом Кирину.

– Тарасова, – спросила она, – ты почему не выполнила домашнее задание?

– Понимаете, Ирина Вадимовна, у меня папу в армию забрали. В парашютные войска. И мы с мамой всю ночь ему спортивную форму шили.

– Как форму? Твой же папа уже был в армии. Давно.

– А его снова позвали. Уже начальником. Потому что он хорошо прыгал. Без него не справляются. Всё разладилось. Мы ему лампасы на джинсы пришивали. А бабушка парашют вязала на спицах.

Ирина Вадимовна даже растерялась. Ничего себе новости! Оказывается, теперь парашюты на спицах вяжут! А сорокалетние снова в армию идут.

– Бедная девочка! – погладила она Киру по голове.

А когда Ирина Вадимовна отошла, Кира сказала:

– Я не бедная! У нас квартира на двадцать восемь комнат. И дядя из Швейцарии ящик с магнитофонами прислал. Он там всемирный конгресс водопроводчиков проводит. Ну что, берёшь меня правдизм преподавать?

– Ни в коем случае.

– Тогда я всем про тебя расскажу. И про твоих интернатников.

– Нельзя. Про них нельзя говорить.

– А я вот расскажу. Ребята, ребята! – зашептала она голосом диктора Центрального телевидения. – Наша Брюка в загородном парке учительницей работает. Зверям русский язык преподаёт. И поведение.

Упитанный Игорь Трофимов и ехидноглазый Спальников немедленно повернулись на шёпот, придвинулась и тростиночноногая Катя Лушина.

– Прошу поподробнее, – попросил Игорь. – Каким зверям? Хищникам? Парнокопытным? Обезьянам? Какой язык – устный или письменный?

Таких подробностей Кира не знала.

– А откуда тебе это известно? – спросила Катя Лушина. – Про Брюкину?

– Она меня туда звала. Приглашала.

– Снова прошу поподробнее, – съехидничал Трофимов. – Приглашала в качестве кого? В качестве хищника? Парнокопытного? Человекообразного?

– Она меня учительницей звала. Обманнизм преподавать, – уже не телевизионным, а простым шёпотом сказала Тарасова.

– Прекрасный выбор! – заявил Спальников. – За чем же дело стало? – И сам же себе ответил: – А за тем, что она такое напреподаёт, что все звери разбегутся. Во главе с директором зоопарка.

– Ещё заставит их ванну в скафандрах принимать, – добавил Трофимов.

– Или лампасы к джинсам шить, – сказала Лушина.

– А то всех зверей отправит в парашютные противопожарные войска, – продолжил Спальников. – Им никаких противогазов не надо. Они и так страшные.

– Вы смеётесь, а я правду говорю! – голосом пионера из детского театра закричала Кира. Но ей никто уже не верил. И все отвернулись от неё. Каждая шутка хороша в меру.

Глава третья

Австралийский плюмбум-чоки

В этот раз в электричке Люся держалась солидно и строго. У неё уже был немного учительский вид. Один сельский первоклассник даже потянулся ей место уступить. Но потом спохватился, сел и в знак протеста стал рассматривать потолок.

На станции Интурист погода была отличная. Краски сгущённые, сочные. Недоеденное объявление было заменено новым, некусаным. Но неразборчивым.

«Продается трёхместная новая байдарка. Там же имеется породистая охотничья... чая... ка. С хорошей родословной. В хорошие руки бес...»

«Ничего себе, – удивилась Люся. – Разве бывают охотничьи чайки? И на кого они охотятся? На лягушек? На рыб? А что это за бес в хорошие руки? У меня руки хорошие, возьму беса. А ещё лучше бесёнка. Интересно, как он выглядит?»

Дачный посёлок дымился одинокими пенсионерскими кострами. Пожилые люди сжигали осенний мусор.

...Интернатники ликовали. Увидев Люсю, они шмыгали по участку отдельными личностями и клубились у окна в класс целым коллективом.

Дир сейчас был не дир, а «двор», то есть дворник. Он с метёлкой в руках воевал с травой и листьями. И жёг костёр.

– Здравствуйте, – сказала Люся.

– Здравствуйте, уважаемая сотрудница.

Люся взяла светский беседовательный тон:

– Осень.хлопотное время для садовода.

– При чём тут садоводство? – удивился дир. – Это я варенье варю.

– Наверное, у вас ягод много. Пропадают.

– Ягоды? – удивился дир. – Я овощное варенье варю. Помидорно-капустное.

– Это входит в ваши обязанности как дворника или как директора?

– Как врача.

– Почему как врача?

– Потому что матушка Зюм-Зюм заболела. Её надо лечить.

Люся разглядела ведро на костре и белый халат на Меховом Механике. И учуяла запах потрясающего капустного варенья с помидоровым уклоном.

– Матушка Зюм-Зюм – это наша кормилондия. Её надо ставить на ноги, а у меня ни одного хендрика нет. Не пришли ещё.

«Оказывается, хендрики ходят! – отметила про себя Люся. – Наверное, они вроде цыплят».

Вслух она сказала:

– Извините, дир. Меня уроки ждут. Бумажный Получальник в кабе? В кабинете?

– Он в главном управлении Получальников на проверке. Возьмите Большой Вафельный Отметник.

– А как им пользоваться? – спросила девочка.

– Очень просто. Он сделан из вафли. За каждый правильный ответ можно давать учащемуся грызть. Чем лучше ответ, тем больше можно откусить.

– Они ж его сразу съедят.

– Вы не давайте. Он разделён на квадратики, как шоколад. За пятёрку пять квадратуриков. За четвёрку – четыре. За двойку – только понюхать давайте, а кусать нельзя. Те, которые нанюхаются, очень хорошо потом учиться начинают.

Люся прошла в директорскую, взяла Вафельный Отметник и потянула за шарик начальника.

При её появлении в классе интернатники встали на передние лапы. От радости они махали задними лапами и раскачивались.

Люся посмотрела на часы и сказала:

– Блюм.

Класс радостно рухнул. Но тишины не было. Кто-то тихо барабанил лапами, кто-то урчал, кто-то колотил по скамейке хвостом.

– Что это значит? – спросила Люся удивлённо. – Почему шум?

– Это мы вам радуемся! – сказал щекастый Бобров.

– Спасибо! Я тоже рада вас видеть. Но при этом я не стучу хвостом по столу и не рычу. Нужно учиться выражать свою радость по-другому. Если вы от радости зарычите на человека, он насторожится. Испугается и убежит. Надо улыбаться. Вот так.

Люся показала, и все интернатники сделали «вот так». Получилась просто жуть. Столько зубов, один острее другого! И все оскалены для показа. Особенно старался Сева Бобров. Он выставил все свои зубы, как будто собирался перегрызть колючую проволоку.

– Нет, – сказала девочка. – Так получается ещё хуже. Не только простой прохожий, милиционер испугается. При улыбке надо уголки рта поднимать вверх.

Интернатники попробовали.

– Уже лучше. Сняли! А теперь продолжаем занятия. Я прошу подойти к доске... вас, – попросила она бурундукового подростка с задней парты, соседа муравьеда Биби-Моки.

Тот подошёл застенчиво-развязной походкой, держа лапы за спиной.

– Возьмите мел, уважаемый интернатник, и напишите, как вас зовут.

Бурундучок написал:

БУРУНДУКОВЫЙ БОРЯ.

– Хорошо. А теперь напишите, сколько вам лет.

Боря показал ей лапки. Чёрные когтистые ладошки.

– Ты хочешь сказать, что тебе десять лет? – спросила Люся.

Боря опустил нос вниз.

– Он хочет сказать, что ему нечем писать, – встрял зубастый Сева Бобров. – Он мел съел.

– Это от хулиганства? – спросила Люся.

– От застенчивости. И от того, что он растёт.

– Что же мы будем делать? – растерялась девочка.

– Давайте в валилки играть! – завопил Кара-Кусек. – Или в скакалки.

- «Не иначе накурчился», – опасливо решила Люся. И сказала строго:
– Ни в какие валилки мы играть не будем. Мы продолжим занятия. У кого есть мел?
– У меня, – встал черноносый игластый ёжик с первой парты. – У меня в спальне. Можно, я принесу?
– Хорошо. А Бурундуковый Боря сейчас расскажет нам стихотворение.

- Ёжик, гремя иголками, ринулся за мелом, а Боря спросил:
– Про любовь можно? – и опустил нос под мышку.
Люся сказала, что можно. Боря стал читать:

Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный...

- Всё.
– Где же здесь про любовь? – спросила Люся.
– Про любовь дальше.
– Ты и прочитай дальше.

– А я дальше не помню. Я могу это ещё раз прочитать. Можно?

– Можно. Читай.

И Боря ещё раз с тихим удовольствием прочёл:

Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный, –

и снова сунул нос под мышку.

«Ничего себе интернатники! – подумала Люся. – Мел едят! Про любовь стихотворения читают. Научи их чему-нибудь. Вот у нас в классе мел не едят. И вообще, с нами проще».

Тут она притормозила – проще ли? И решила проверить, понаблюдать за тем, что в ЕЁ классе мешает процессу обучения школьников. Сколько мешаний будет за неделю.

Пока Бурундуковый Боря стеснялся и дышал в рукава, черноносый игластик с первой парты вернулся с большим куском мела.

– Вот.

– Где ты его взял?

– Он у меня в зимних ходилках лежал.

– Зачем?

– Мы хотели, чтобы считальный урок отменили. И спрятали в ходилки.

Люся с трудом догадалась, что это валенки.

– И что? Отменили урок?

– Нет. Не отменили. Мехмех проверялку устроил. Меня в двоечный раздел записали.

– И меня! – вспомнил Бурундуковый Боря.

Он так расстроился от воспоминаний, что взял мел и стал его грызть.

– Подожди, не ешь, – сказала Люся. – Напиши, сколько тебе лет.

Боря наморщил лоб и закатил глаза.

– В какой системе? В меховой или в людовецкой?

– В какой такой «людовецкой»?

– В людовецкой – это в какой люди считают.

– Напиши в людовецкой, – согласилась Люся. – То есть в человеческой.

Бурундуковый Боря написал:

В ЛЮДОВЕЦКОЙ С. МИНЕ СИЧАС 8 ЛЕТ.

– А в меховой системе?

В МЕХОВОЙ С. МИНЕ СИЧАС 16 ЛЕТ.

Люся ничего не поняла.

– Может, ты что-то напутал? Как может быть два возраста? При чём тут меховая система?

Но застенчивый мелопоедательный бурундук стоял на своём:

– Девочка Люся, ведь у собак, которые у вас живут, два возраста. Собаческий и человеческий. Ведь правильно?

– Правильно. Мой папа говорил: «Нашему Шаху восемь лет. Его года надо умножить на семь. Тогда мы узнаем его человеческий возраст. Получается, что ему пятьдесят шесть. Он уже пенсионер».

– И у нас два возраста. Для людей и для нас, – упирался Бурундуковый Боря.

– Я поняла, – сказала Люся. – Чтобы узнать ваш возраст, ваши года нужно поделить на два.

Вперёд выступил головастый ёжик. Он теперь оживился и гремел иголками, как хорошая погремушка.

– Мы живём долго и долго вырастаем. Поэтому нам много лет, а мы ещё маленькие.

Люся подумала про себя: «Я считала, что они бестолковые, как на площадке молодняка. А они – умнющие ребята».

Прогудел начальник. Вошёл Меховой Механик с подносом ярко-фиолетовой свёклы. Он посмотрел на Вафельный Отметник:

- Он целый? Вы не спрашивали учеников? Был беседовательный рассказ в виде доклада?
- Просто мы про него забыли.

Она отломилась два больших квадрата и угостила бурундучка и ёжика. И спросила:

- Как здоровье матушки Зюм-Зюм?
- Лежит с температурой, – ответил дир.

– Знаете что, Мехмех, я пойду на свою дачу. Там есть аптечка с лекарствами. Я принесу аспириин или анальгин. Они понижают температуру.

- Пожалуйста, помогите нам, девочка Люся, – попросил дир.
- Можно я пойду с вами? – потянул Люсю за руку ёжик.
- Конечно. Как тебя зовут?
- Иглосски.
- Можно, я тоже пойду? – спросил Бурундуковый Боря.
- И я, – попросился зубастый Сева Бобров.

– Конечно, можно. Все пошли.

Они повисли на Люсе, как детсадовские малыши.

И все отправились на Люсину дачу.

Люся взяла заржавевший ключ под водосточной трубой. Открыла замок и вошла на веранду.

Меховая ребянтя всунулась за ней. Малыши всё нюхали, трогали и даже облизывали языком. Всё, всё.

И про всё спрашивали – зачем?

Больше всего их поразил не телевизор (они его понюхали, лизнули, и всё). Не электрокамин (только потрогали). Не старинный магнитофон (покусали, и только). А большой резиновый мяч.

– Это что? – спросил Сева.

– Мяч. Он прыгает. В него играют.

– У нас есть такие. Они называются скакуны. Только они очень тяжёлые. Как капуста, – сказал Иглосски.

– Мы возьмём его с собой в интернат, – решила Люся. Она отыскала лекарства, и они пошли в посёлок.

Красный мяч произвёл фурор. Меховая публика накинулась на него кучей. И стала кататься клубком по осенней траве.

Люся подошла к диру. Протянула таблетки:

– Это для матушки Зюм-Зюм. Помогает сбить температуру.

– Пойдёмте к ней. Она очень отсталая личность. Боится всего нового. Может и отказаться.

Они прошли в глубь участка, к задней стороне дома. Там вдоль стены лепилась лесенка на второй этаж. И была дверь в подвал.

– Здесь у нас котельная, – сказал дир, – и кухня. А наверху ночевальни для учащихся и состава. Да, как насчёт обманизма? Нашли кого-нибудь?

– Пока нет, – ответила Люся. – У меня есть одна знакомая девочка – жуткая врушка. Но она себя врушкой не считает. Она сама верит во всё, что говорит. Она хочет правдизм преподавать.

– Правдизм пока не нужен. У нас с обманизмом плохо. И потом, мне кажется, здесь не девочка нужна, а наставник со стажем. Опытный обманист. Придётся, наверное, объявление давать. Как вы думаете, чем можно такого наставника привлечь – хендриками, живульней?

– Думаю, и тем и другим, – осторожно ответила девочка. Потому что она в глаза не видела ни того, ни другого.

Они поднялись на второй этаж.

В прихожей на полу на треногах стояли две трубы. Одна была направлена в небо, другая – в сторону станции. Люся заинтересовалась:

– Что это?

– Усилительные трубы. Вот эта – подзорная, звездоскоп. А это нюхозорная труба, или нюхоскоп. Хотите осмотреть окрестности? Или обнюхать? Или облуснуть?

– Да, хочу.

Дир настроил трубы.

– Вам на двоянную работу? Или на строенную? Пожалуйста. Сюда надо смотреть. Сюда надо совать нос. Только ваш нос неудобный, маленький.

Юная учительница стала смотреть и нюхать. Подзорная труба была с многократным увеличением. Видно было каждую ветку, каждую перекладинку перил, каждую спичку, каждый камешек на платформе.

Люся прочла расписание на щите. Высмотрела себе очень удобную электричку, идущую до Москвы почти без остановок.

Потом увидела объявление на столбе. Оно было знакомое:

«Продаётся трёхместная новая байдарка. Там же имеется породистая гончая собака. С хорошей родословной. В хорошие руки, бесплатно».

«Вот тебе и бес в хорошие руки!» – подумала Люся.

Она увидела осеннюю клумбу с астрами. И стала нюхать цветы. Запаха не было. Она перевела трубку на коричневую кучу с удобрениями. Тут ей сильно шибануло в нос тухлятиной. От этого запаха глаза Люси вытаращились. Но мысли прояснились. Она сразу поняла, что такое нюхоскоп. «Хорошо, что это нюхоскоп. Был бы зубоскопом, как треснул бы по зубам!»

За прозрачной дверью лежала в кровати вся обмотанная шарфами и грелками матушка Зюм-Зюм.

– Проходите сюда.

– Здравствуйте, матушка Зюм-Зюм, – сказала Люся.

– Здравствуйте, маленькая девочка! – ответила матушка. Внешне она была похожа на садовую соню. – Мне дир очень хвалил вас. Эту круглую штучку надо глотать?

- Да, матушка Зюм-Зюм.
- А хендрики ещё не прилетели? – спросила она у барсукового дира.
- Ещё нет. Сам жду. И переживаю.
- Ладно. Проглочу эту пуговичку. А то я совсем в жару.
- «Хендрики ещё могут летать», – подумала Люся. И попыталась себе представить осенний перелёт хендриков.
- Матушка выпила аспирин и закуталась в одеяло.
- Теперь поспите, – сказала Люся. – Скоро вам станет легче.
- Спасибо, милая девочка.

– До свидания, матушка Зюм-Зюм.

Меховая мелкота и крупнота уже была за партами. Все встали на передние лапы и от радости замахали задними.

– Блюм, – сказала Люся. – Сейчас пойдёт к доске... – Она посмотрела на маленькую белку с первой парты. – Пойдёт...

Но белочка не дала сказать, а забежала вперёд:

– А почему вы Плюмбум-Чоки не вызываете?

Её серебристые очки так и сверкали во все стороны.

Дылда волк, сидящий рядом, важно поддержал:

– Да, почему?

– Плюмбум-Чоки? А это кто? Где он сидит?

– Он в дыре сидит! Вон! Вон! – повскакала с мест учащаяся мелочь. Они показывали на круглую дыру в потолке. Оттуда к доске тянулся канат.

– Хорошо, – согласилась Люся. – К доске пойдёт Плюмбум-Чоки.

Никто из дырки не показывался. Люся вопросительно посмотрела на белочку.

– А он не может пойти. Не может! – захлопотала белочка. – Он ходить не умеет. Он лазает.

Люся поджала губы – уж не разыгрывают ли её? И сказала строго, с нажимом:

– Сейчас к доске полезет Плюмбум-Чоки.

Сначала из дырки посыпался мусор – зелёная труха. Затем закачался и задёргался канат. Потом показалась длинная меховая лапа с цеплятельными пальцами. А затем вылез и сам Плюмбум-Чоки – большой ленивец в сиреневых трусищах по самую шею.

«Ничего себе площадка молодняка! Ни в одном зоопарке нет таких зверей!» – подумала Люся.

Плюмбум-Чоки медленно полз к доске. Вот он завис над ней, глядя на Люсю огромными спрашивающими глазами.

– Напишите своё имя и свой возраст в людовецкой системе.

Плюмбум начал царапать мелом что-то на доске. Люся не понимала: что это? на каком языке? на людовецком? на меховом?

Чоки кончил царапать, а Люся так и не разобралась.

– Что он написал? – обратилась она к классу.

Весь класс, как один, встал на передние лапы. Будто кого-то приветствовал. Люся даже оглянулась – не вошёл ли кто?

Никого не было. А класс плюхнулся обратно. И все подняли лапы. Больше всех тянулась белочка с первой парты.

- Можно я? Можно я?
- Можно.
- Он написал: «Свинцовый Чоки. Семь лет».
- На каком языке?
- На кверхногамном.
- Что это ещё за язык такой – кверхногамный? – удивилась Люся.
- Это когда кверх ногами пишут. Он же так висит.

Люся повернулась к доске спиной и встала в позу ныряльщика. Так что доска предстала перед ней кверх ногами. И прочла: «Свинцовый Чоки. Семь лет».

Теперь ей стало ясно всё, кроме слова «свинцовый».

– Почему Свинцовый Чоки? Ведь нужно Плюмбум.

– Потому что плюмбум и есть свинец, – проскрипел ленивец. – Я – Свинцовый Чоки. Он говорил, как по тарелке царапал.

– Спасибо, – сказала Люся. – Очень хорошо. Вот вам Вафельный Отметник. Откусите большой квадратурик.

Она подала Отметник Чоки. Он не доставал, а она не дотягивалась. Тут Чоки рухнул вниз прямо на Люсю. Она даже перепугалась и шмыгнула под стол. Только Чоки не долетел до пола. Он повис на двух крючковатых лапах, как меховой ковёр на верёвке.

«Так бы его и треснула выбивалкой!» – подумала Люся. Но драться не стала. А солидно, как положено учительнице, вылезла из-под стола и подала Отметник ученику.

Плюмбум радостно отгрыз большую дольку и, сложившись, полез по канату в свою замусоренную дыру. В классе остался только резкий запах эвкалиптовых листьев.

Люся внимательно осмотрела все углы в классе. Нет ли где ещё какой норы? Того гляди, утконос вылезет или питон.

– Теперь я бы хотела познакомиться... с юным пушистым созданием...

Маленькая белочка исчезла под партой.

– У которого такие толковые глаза... Такой застенчивый вид... Это создание, наверное, самое скромное во всём классе... очень любит грызть орехи... и сидеть под столом.

Бельчонок сидел под партой и в ужасе дёргал джинсовую штанину волка:

– Это про тебя! Это про тебя!

Волк оттолкнул белочку лапой:

– Не дёргай! Сам знаю.

Он засмутился и, опустив глаза, пошёл к доске.

А белочка вылезла из-под парты очень довольная. Она покашивала глазами на Люсю и, наверное, считала себя самой хитрой в школе. В обеих системах – в людовецкой и в меховой. Ещё бы! Она так здорово избежала вызова к доске!

– Прошу вас, дорогой интернатник, напишите своё имя.

«Юное пушистое создание» в виде лохматого дылды в джинсах и с пистолетами на боку нацарапало:

УСТИН, ЛЕТЯЩИЙ В АБЛАКАХ.

Люся спросила у класса:

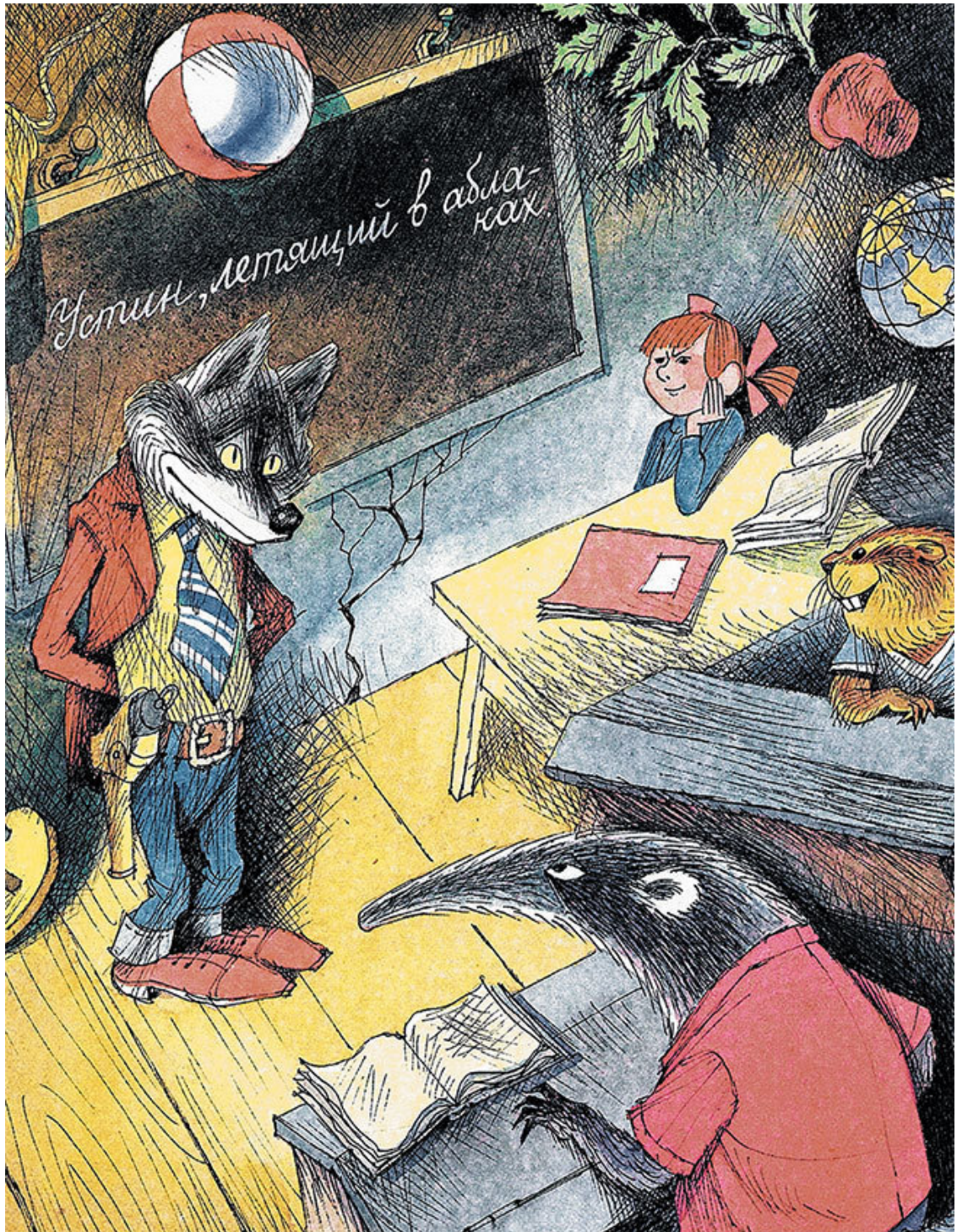
– Где ошибка?

Белочка с первой парты засверкала очками:

– Можно я? Можно я?

Она вышла из-за стола. И стало видно, как она хорошо одета. В яркую цветастую юбочку и жилетку. Она дописала:

С ТРУДОМ.

- Почему с трудом? – оторопела Люся.
- Как почему? Как почему? – захлопотала белочка. – Волкам трудно летать. Они не умеют же. Птицы умеют. Мыши умеют. А волки не умеют.
- Других ошибок нет?
- Нет, – ответила белочка.
- Я вижу, что есть.
- Вперёд важно, вперевалочку вышел Иглоски. Большой специалист.
- Он зачеркнул букву «и» в слове «Устин» и написал «е».
- Устен? – удивилась учительница. – Почему Устен?

– У стен летает, – объяснил Иглосски. – В облаках у стен.

– При чём тут стены?! – завопила Люся. – Ошибка в этом слове. – Она показала на слово «аблака».

Весь класс принимал участие в исправлении написанного. Образовалась целая спасательная экспедиция. К ней присоединился ещё и Сева Бобров.

Зубастый Сева закричал:

– Я знаю! Я знаю! «Аблака» – это неправильно. Надо написать «яблака». Получится: «Устин, летящий в яблаках».

– В каких ещё яблоках?

– В обычных, – пояснил Сева. – Он вокруг яблони летает.

От этих стен и яблок у Люси кругом пошла голова.

– Неужели никто не знает?

– Я знаю! – сказала Лаковая Молния. – Надо писать «в облаках».

– Правильно, – похвалила ласку девочка. – Вот вам кусочек Вафельного Отметника.

– А мне не дадут Отметника? – спросил устенный Устин.

Люся не знала, как ей быть, – дать ему понюхать плитку вафли в наказание за неграмотность или, наоборот, похвалить его за старательность и отломить кусочек. Она решила угостить волка. А нюхательно-воспитательные меры пока отложить. Яблоковый Устин аж засветился от радости неярким серым светом.

Прогудел начальник. Меховая братия забегала и замоталась, малышня повисла на Люсе.

– Что мы будем делать? – кричали они.

– Не знаю.

– Давайте в залезалки играть. Давайте!

– Это что такое?

– Игра такая. Надо на крышу залезть. Кто выше всех залезет, тот победил. А остальные его стаскивают, – объяснил ёжик Иглосски. – В прошлый раз победил Мохнурка.

– И где он? – спросила Люся.

– В ночевальне лежит. Перебинтованный. Он слетел сверху и поцарапался по дороге.

– Это уже не залезалки, а бинтовалки получаются, – сказала девочка-учительница. – Только сегодня мы в это играть не будем. Мне пора домой. Меня папа с мамой ждут. Я боюсь, что мне дома «влеталки и разгонялки» устроят.

– Это хорошая игра, во «влеталки», – сказала белочка. – Это влетать куда-нибудь надо?

Зверята проводили Люсю до ворот и долго махали лапами вслед и кидали вверх разные вещи. Эти вещи ещё много времени взлетали над забором.

Междуглавие третье

Список мешаний учителям на уроках со стороны учащихся

Всю неделю ученица-учительница Люся Брюкина внимательно наблюдала за своими коллегами по учёбе. Смотрела на тех, кто обучает, и на тех, кто обучается.

И вот что было замечено.

ПОНЕДЕЛЬНИК

Спальников намазал доску воском, как лыжи. Поэтому Лушина, которая всю неделю учила арифметику с папой, не сумела даже написать условие задачи. Мел скользил. Учительница сердилась.

– Ты, Лушина, нарочно это сделала. Потому что урока не выучила.

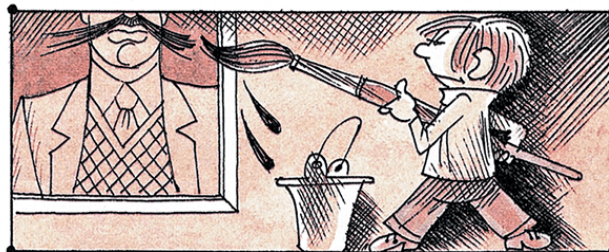
– Я выучила, Мария Яковлевна. Это кто-то другой доску намазал.

– А вот мы сейчас проведём контрольную работу на вычитание дробей и выявим, кто у нас диверсант. Ясно, что отличники доску натирать не станут.

Кандидатами в диверсанты оказались: Спальников, Игорь Трофимов, Кира Тарасова и бедная Карина Мариношвили. Ей эта двойка была нужна больше всех.

У неё и так по арифметике было две.

ВТОРНИК

Великолепный Киселёв подрисовал усы на портрете знаменитого писателя Маяковского. Он оправдывался:

– Все писатели как люди. И Чехов, и Толстой, и Некрасов, а он отрывается. Он какой-то ненастоящий, потому что без усов.

– А ты много читал Маяковского?

– Потому и не читал, что он без усов. Теперь начну.
– Теперь ты пойдёшь домой и приведёшь родителей, – говорила Эмилия Игнатьевна – завуч. Очень умная и опасная женщина. – Твой папа без бороды и усов. Но я думаю, он настоящий и выплет тебе как следует, по-настоящему.

Язвительный Игорь Трофимов подумал и сказал:

– Вот учителя! Вот завучи! Человек в беду попал, а они острят, шутят. Нет, с такими людьми мы никуда не придём.

СРЕДА

На родительском собрании сердился дедушка Киры Тарасовой:

– Моя Кира говорит: «Если не купишь мне джинсы, я в школу не пойду. У нас все учащиеся в джинсах ходят. Даже директор. Я одна как из сельской местности в юбке югославской. Будто я отсталая». А где ж я ей эти джинсы возьму? Да ведь не простые надо, а фирмы Врангеля. Я ей говорю: «Этого Врангеля мы прогнали в революцию не для того, чтобы его штаны носить!» Она мне в ответ: «Тёмный ты, дедушка, ничего в истории не понимаешь. И в экономике. Вы ведь Врангеля прогоняли, а это Вранглер».

– А моя просит счётную машинку! – сказала бабушка Карины Мариношвили. – Я ей было купила в магазине харьковскую за двести рублей. А она кричит: «Ты что мне покупаешь? Её же надо в розетку включать. У всех японские машинки на батарейках. Размером с записную книжку. Они их под партой держат. И считают незаметно от учителя. Я с таким ящиком что делать буду? Ты бы мне ещё телевизор приобрела. Чтобы я под партой клуб кинопутешествий смотрела!» А где мне купить эту японскую машинку? Мы, уборщицы, редко ездим в Японию подметать. Мы всё здесь работаем. На трёх работах. Уймите внучку!

ЧЕТВЕРГ

В классе событие. Пропал Главный Бумажный Получальник. То есть классный журнал. А так как Вафельного Отметника у нас не завели, пришлось притормозить школьные занятия.

В поисках журнала перевернули учительскую, кабинет директора и три тонны макулатуры, собранной энтузиастами-прогрессистами из второго «Б» класса. Они прогрессисты потому, что собирали макулатуру не по указанию руководства школы, а по велению сердца.

Но журнала не нашли.

В конце дня пришла расстроенная отличница Королёва и принесла журнал. Он был у неё в портфеле. Конечно, его похитила и запихнула туда не она. Это были чьи-то происки. Кто-то мечтал сорвать занятия по иностранному английскому языку.

Провели контрольную с целью выяснения знаний учащихся и с целью выяснения проискантов.

Кандидатами оказались Спальников, Игорь Трофимов, Кира Тарасова, блистательный Киселёв и опять Карина Мариношвили. Ей эта двойка опять была нужнее всех. У неё по английскому была всего одна.

ПЯТНИЦА

Киселёв и Тарасова решили попробовать курить. Купили в ларьке пачку «Явы». Сказали, что для больного папы.

Тарасова красиво держала сигарету и по-красивому вытаращивала глаза.

Киселёв сделал две затяжки и упал. Оказалось, сигареты были бракованные. В табачную машину попал эбонитовый шарик от ручки. И она его искрошила. Тренированные курильщики выдерживали с трудом. Нетренированный Киселёв чуть не пропал. На урок его привели под руки Трофимов и Спальников. Тарасова объяснила учительнице, что Киселёв шатается, потому что тушил пожар. Вытаскивал пожарных из огня. У них была тренировка, а он не понял и спасал их за ноги.

Мария Яковлевна не очень верила в спасение пожарных. Несмотря на убедительную деталь в смысле тренировки. Но от Киселёва так несло жжёным эбонитом, что пришлось согласиться. И Киселёва в качестве награды за правдивость пустили проветриться в коридор.

Там его увидел директор и сказал, что дышать свежим воздухом лучше всего во дворе с метёлкой.

И народный спаситель пожарных целых сорок пять минут превращал школу в город-сад.

СУББОТА

На уроке истории учитель Косолапов объяснял, что в средние века были феодалы – князья, их вассалы – помещики, и крестьяне, которые на всех работали.

На что быстрый разумом Киселёв заявил:

– Точно. Как у нас в школе. Директор – феодал. Учителя – вассалы, а мы – крепостные крестьяне.

Учитель Косолапов разбушевался:

– Ничего себе крепостные! Барчуки вы! Живут в хороших квартирах. Им тепло на квартиру доставляют, вместо дров. Воду на квартиру. Для них телевизор изобрели – к ним зрелища на дом приходят. Они лошадь не то что запрячь не сумеют, просто не видели её никогда! А учителя с ними бьются, в их башки знания впихивают. Да раньше ни один сын императора в таких хороших условиях не рос.

И велел крепостному Киселёву к следующему разу составить режим дня среднего крестьянина средней полосы России в средние века. А ещё лучше крестьянки. С учётом топки печки, кормления домашних животных (причём не попугайчиков, хомячков и морских свинок, а коров, овец, лошадей, птицы). С учётом приготовления обеда, стирки и других мелких радостей.

К следующему разу выяснилось, что жизнь у крестьян средних веков была значительно тяжелее, чем у Киселёва. Развлечений практически не было, если не считать работу в огороде – прополку и окучивание. Насчёт каникул Киселёв явно обходил крестьян. У них были только религиозные каникулы: Ильин день, Пасха, Рождество, может быть, крещенские, и всё! А трёхмесячных летних и всяких там зимних не было.

Да и в смысле еды сегодняшний крепостной Киселёв далеко ушёл вперёд. В его школьной крепостной столовой был большой выбор блюд. И упитанные крестьяне младших классов за небольшую цену уничтожали продукты не хуже средневековой саранчи. И не только сельские щи да кашу, но и всевозможные пирожные. (Правда, с крестьянским уклоном: в виде корзиночек и картошки.) Особенным спросом пользовался деревенский средневековый напиток «Пепси-кола».

Что касается быта, модными были средневековые джинсы, карманные магнитофоны с записями народных мелодий и жевательная резинка клубничная рижская.

Короче, жизнь сегодняшних киселёвских крепостных была во много раз лучше. И взрывчатая ситуация среди младших классов утасла. Все сразу успокоились, даже главный вождь всех школьных волнений, неформальный лидер – знаменитый Стенька Киселёв.

Глава четвёртая Хендрики прилетели

Вот оно – новое воскресенье. Вся меховая мелкота с воплем выкатилась навстречу девочке Люсе. Они ждали её у самых ворот дачного посёлка. Очевидно, о её приезде они узнали от дежурного по нюхоскопу. Там, на балконе, наверняка дежурил загадочный перебинтованный Мохнурка – победитель игры в залезалки. Потому что его среди встречающих не было.

Люся и зверята в обнимку пошли в посёлок к интернатскому зданию.

Застенчивая белочка в очках сказала Люсе:

– Мой пап приехал.

– Может быть, папа?

– Нет, мой пап! Пап – это же он. Вот он и приехал. А если бы мама, то она приехала бы.

– Вон её пап стоит! – сказала Фьюалка. – Видите, рядом с Мехмехом.

У дверей в класс, на крыльце, стоял Мехмех в легкомысленной зелёной шляпке с украшениями. А рядом – невысокий, начинающий полнеть белк. В светлом плаще с красиво поднятым воротником.

– Здравствуйте, – шагнул он навстречу Люсе. – Это вам. От папо-мамовского собрания. Он протянул маленький прозрачный флакончик с зёрнышками.

– Что это такое? – удивилась Люся.

– Камертоновые семена. Целая музыкальная октава. Их надо посадить в землю и поливать купоросовой водой.

– И что получится?

– Музыка из живых цветов. Они будут тихонечко звенеть от ветра. И играть разные мелодии. Вы очень обрадуетесь.

– Спасибо, большое спасибо, – сказала Люся.

Про светомузыку она когда-то слыхала. Но про музыку из цветов... Интересно, а бывает дерево-музыка? Наверное, бывает. Тогда, значит, есть и целые лесо-симфонии у них... У кого у них? У меховых интернатников.

– А что такое папо-мамовское собрание? – спросила она.

– Обычный родительский комитет, – пояснил Меховой Механик. – Родители учеников к вам очень хорошо относятся. Интернатники в своих письмах только про вас и пишут.

– Очень хорошее пишут, – сказал улыбочивый пап. – Можно, я у вас на уроке посижу? Мне интересно посмотреть, чем живёт сегодняшняя молодёжь.

– Сидите, пожалуйста, – сухо сказала Люся («Тоже мне, меховой инспектор из роно!») и пошла в директорскую за Получальником.

По Получальнику она выяснила, что неопрошенными в её классе оставались только хитрющая белочка в очках с первой парты (та самая, к которой приехал пап) и загадочный Мохнурка. Который в Получальнике записан не был. Может быть, он сидит на потолке, в дыре вместе с сиреневотрусковым... трусным... В дыре вместе с Плюмбум-Чоки?

В классе все были на своих местах, и все встали на задние лапы. Причём представитель папо-мамовского собрания сделал то же самое. И парта под ним скрипела.

– Блюм, – сказала Люся через минуту.

Все блюмкнулись.

– Кто у меня ещё ни разу не был у доски? – спросила Люся, в упор глядя на белочку с первой парты. Её звали Цоки-Цоки. – Кто ещё ни разу не отвечал?

– Мохнурка! Мохнурка! – захопотала белочка. – Он ещё ни разу не отвечал.

– А где он? Он здесь? – спросила Люся.

– Здесь! Здесь! – волновалась белочка. – Он в печке сидит.

Люся удивилась и прошла по классу вдоль стенки с печкой.

– Что он там делает?

Дверца печки раскрылась, и появилась хитрая усатая мордочка. Чёрная-пречёрная, как кусок темноты.

Мордочка сверкнула глазами и сказала:

– Я там прячусь.

– От кого?

Дверца снова перелистнулась:

– От света.

И дверца захлопнулась.

Люся обратилась к ученикам:

– Кто мне объяснит, почему юный Мохнурка сидит в печке? И почему он прячется от света?

Все интернатники подняли лапы вверх. Даже хулиганистый Кара-Кусек.

– Скажите вы, – попросила Люся Лаковую Молнию.

Фьюалка встала из-за парты и сказала:

– Он норный.

Дверца печки приоткрылась на спичечный коробок, и высунулся кусочек носа:

– Я норный. Я очень норный.

Фьюалка продолжала:

– Все норные боятся света. Живут в темноте.

– Очень живут! Очень живут! – забормотал носик из печки.

– Спасибо, – поблагодарила Люся Фьюалку. – Но что же, он всё время так и сидит в печке? Или его приносят сюда в чемодане? Или у него есть сюда подземный ход из спальни?

Лаковая Молния разволновалась. Она стала цокать, сокращаться и вытягиваться:

– Его не но-йс-сят в цеймодане. Его в ойсках, в оцках нойсят... Он сам ойски нойсит.

Цёрные.

– Ношу! Ношу! – прокуковал Мохнурка из печки, как кукушка из часов. – Чёрные очки.

Очень чёрные.

Разговор запутывался, и вмешался ещё один разъяснитель – Сева Бобров. Он так объяснил:

– Девочка Люся, он из кротовых. Они под землёй живут. Они темноту любят. А на улице очки носят тёмные. От солнца.

– Да! – затараторила Цоки-Цоки. – У меня простые очки, стеклянные. А у него чёрные.

– Где же его очки? – спросила Люся. – Почему он без них?

– Можно, я скажу? – закричал ёжик Иглосски. – Когда он в залезалки играл, они разбились.

– Очень, очень разбились! – закуковал Мохнурка.

– Его перебинтовали, и он выздоровел, – продолжал ёжик.

– А очки перебинтовать не удалось! – горестно высунулся крот из печки, как из справочного окошка.

– А ну, малыш, примерь вот это! – раздался голос с задней парты. Это белочкин пап достал роскошные противосолнечные очки.

Всеволод Бобров взял очки и засунул их в печку. Дверца распахнулась, и оттуда торжественно выбрался наружу упитанный кротёнок. Чёрный-пречёрный, и вдобавок весь в саже.

Он подошёл к Люсе, протянул ей лапу и вежливо представился:

– Мохнурка Великолепный.

Люся пожала лапу и увидела, что она тоже в саже.

– Вот что, уважаемый Мохнурка, возьмите веник и подметите себя. Потом пойдите на пруд вместе с Бобровым и вымойтесь как надо. После этого мы будем знакомиться.

Мохнурка не стал бунтовать. Он взял веник и стал смахивать на всех сажу.

– Не подметается! – сказал он, пытаясь хлестать себя, как в бане.

– Можно я его подмету? Можно я? – захлопотала белочка. – Я и пропылесосить могу.

– Хорошо, – разрешила Люся. – Берите этого очень норного юношу, отчистите и приведите обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.